

«ГОЛОСЪ ЛОВЧЕГО СИЛНОЙ ПРИБИРАЕТЪ РАЗЛИЧНЫХ ОХОЧИХЪ
ПСОВЪ»: НЕИЗВЕСТНЫЙ РУССКИЙ ПЕРЕВОД ПОЛЬСКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПАМФЛЕТА 1688 г.¹

Шестой и последний выпуск серии «Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce» («Окказиональная политическая поэзия в Польше»²), подготовленный известным историком польской литературы Юлиушем Новаком-Длужевским, вышел в 1980 г., уже после смерти автора. Среди ярких и разножанровых памятников польской политической поэзии XVII столетия особое внимание было уделено им анонимному стихотворению «Szcwacz potężny przybiera sobie różne myślistwo» («Псарь могущественный набирает себе разную охоту») [Nowak-Dłużewski, s. 162–165, 229]³. В емком и динамичном памфлете сподвижники неназванного могущественного «ловчего» иносказательно представлены в виде псов, описание «промысловых» достоинств которых являет собой образец едкой сатиры. Ю. Новак-Длужевский отмечал, что данный литературный памятник не имеет прямых аналогов в предшествующей польской литературной традиции, и сопоставлял уникальную поэтическую конструкцию со структурой популярного трактата о псовой охоте познанского воеводы Яна Остророга [Myślistwo z ogary...].

Польский исследователь указал в комментариях три списка анализируемого сочинения [Nowak-Dłużewski, s. 229]. Список из рукописных фондов Национальной библиотеки в Варшаве⁴ представлял особую ценность для историков литературы, поскольку в нем памфлет был дополнен «ключом» («clavis seu interpres») — рядом с отдельными описаниями приведены имена конкретных исторических деятелей. Очевидно, что современники анонимного автора сатиры легко опознавали в могущественном псаре польского короля Яна Собеского, но уже не без труда разбирались, кто из ближайшего королевского окружения есть кто в его «охотничьей своре». К несчастью, рукопись погибла в годы Второй мировой войны, и Ю. Новаку-Длужевскому при подготовке книги к публикации пришлось пользоваться своими довоенными выписками⁵.

Поскольку в Польше политическая сатира наиболее интенсивно сочинялась в периоды выборов, в связи с борьбой между кандидатами на ключевые позиции в управлении государством, Ю. Новак-Длужевский предположил, что текст появился в момент столкновения Яна Собеского с магнатами в 1688 г. в ходе назначения великого канцлера коронного, или в 1692 г., когда решалось, кто будет польным гетманом коронным. Оба события привели к вспышке деятельности анонимных памфлетистов. Русские документы, о которых речь пойдет ниже, позволяют однозначно утверждать, что памфлет уже существовал в начале 1689 г. и, следовательно, датой его написания был 1688 г.

Неизвестный список русского перевода данного памфлета, озаглавленный «Голос ловчего, сильной прибирает различных охочих псов», обнаружен в РГАДА в комплексе вестовых документов, связанных с польскими делами⁶. Тексты переписаны аккуратным почерком. Судя по загрязнению оборотной части заглавных листов, каждый документ первоначально хранился

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов РГНФ № 14-04-00128 и Riksbankens jubileumsfond RFR12–0055:1. Особую благодарность авторы выражают С. М. Шамину, который обнаружил русский архивный источник, любезно указал на него авторам и дал ряд важных исторических комментариев, а также Ингрид Майер, прочитавшей рукопись статьи и предложившей существенные уточнения и дополнения.

² Здесь и далее в статье перевод с польского на современный русский язык выполнен нами.

³ Польские цитаты в исторической части нашего комментария даются по этому изданию.

⁴ B.N.R.F. XVII. 20, k. 315.

⁵ Отсутствующие начальные строки и ряд лакун в середине текста обозначены в издании Ю. Новака-Длужевского многоточием в квадратных скобках: «[...]».

⁶ РГАДА Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 49. 1689 г. Л. 1–38.

в отдельном столбце и лишь какое-то время спустя их собрали вместе. Помимо анализируемого памфлета, в числе документов содержатся также «Перевод с полских писем, каковы прислал в Государственной Посолской приказ из Полши столник Прокофей Возницын чрез почту в нынешнем 197-м [1689] году марта в 24 день» (перевод включает письма польского короля и подканцлера Литовского); «В листу к ближнему боярину и оберегателю ко князю Василью Васильевичу Голицыну из Вены секретаря Цесарского немецким письмом написано»; «Ведомости чужеземные из Кракова марта в 5 день по новому. 1689-го года» (известия о политической ситуации в Европе с приложением пасквиля о внутривосточной ситуации в Польше); «Перевод с полских вестовых писем, каковы прислал в Государственной Посолской приказ из Полши столник Прокофей Возницын чрез почту в нынешнем 197-м году марта в 30 день» (первое письмо без заголовка, второе озаглавлено: «В печатном вестовом листе написано»).

Очевидно, что перед нами комплекс документов, присланных находящимся на резидентстве в Речи Посполитой посланником П. Б. Возницыным, который жил в Варшаве с февраля 1688 г. до мая 1689 г., когда его сменил И. М. Волков [Бантыш-Каменский, с. 159–160]. Внешнеполитическое ведомство России всегда испытывало к польским делам особый интерес. Заключение договора о Вечном мире с Польшей в 1686 г. лишь усилило внимание к западному соседу Российского государства [Кочегаров, с. 256–384]. Впрочем, вне зависимости от текущей политической конъюнктуры, в Посольском приказе во второй половине XVII в. нередко переводили польскую политическую сатиру [Николаев].

Обозначен в анализируемом нами комплексе документов и их получатель — канцлер В. В. Голицын, один из образованнейших людей своего времени в России. Для него в Посольском приказе переводили не только актуальные политические документы, но и памфлеты, имевшие чисто литературную ценность. К примеру, годом ранее для Голицына перевели с немецкого языка вымышленное письмо султана Ибрагима I папе Иннокентию X, в котором султан утверждал, что турки — друзья христиан и родня римлян — потомков троянцев, а Венецианская республика, с которой османы на момент составления памфлета воевали, не заслуживает поддержки Папы [Шамин].

Обращаясь к структуре русского перевода польского памфлета, прежде всего отметим данную русскими переводчиками жанровую характеристику текста: «В полском писмѣ статеиками написано посмеятельного пашквиля: Голось ловчего. Силои прибираеть различных охочихъ псовъ»⁷. Характерно, что в корпусе вестовых писем анализируемый памфлет соседствует с еще одной сатирой, построенной на басенной растительно-животной аллегории — «Прилучай о печати великой коронной»⁸, в которой действуют «Ловчие охотники», «Сосна», «Дуб», «Олень», «Баран» и «Боров дикои»⁹.

Во-вторых, подчеркнем особую значимость русского текста, поскольку список РГАДА так же, как и польская рукопись из Национальной библиотеки в Варшаве, содержит «ключ» в виде комментариев на полях столбцов. При этом русский и польский «ключи» совпадают лишь отчасти.

Вопросы возникают уже с первым «псом». В «ключе» к польскому тексту отмечается, что «Głosisły jeden, co gonił w Zatorze»¹⁰ — это Яков, старший сын Яна Собеского, однако сам Ю. Новак-Длужевский отметил, что неизвестно, когда он «gonił w Zatorze». В «ключе» же из перевода Посольского приказа указано, что это «каштелян заторской». Однако среди каштелянов, имевших право присутствовать на сейме 1688 г., каштелянов из Затора не отмечалось. Более того, характеристика «что без мѣры всѣгда был угрызающий» / «bo zawsze zjadły był bez miary» в польском списке дана особому лицу — холмскому епископу Казимиру Опалинскому.

⁷ РГАДА Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 12.

⁸ Там же. Л. 14.

⁹ О польских текстах данного типа см. [Nowak-Dłużewski, s. 167–168]; о роли жанра басни и поэтического тропа аллегории в двуедином корпусе польско-русских смеховых текстов см. [Алпатов, Шамин].

¹⁰ «Голосистый один, что гонял в Заторе».

В свою очередь, Ю. Новак-Длужевский связывает с именем Якова Собеского следующую характеристику: «Szcwanej w Berlinie nie dotrzymał sarny»¹¹, воспринимая ее как намек на неудачную попытку женитьбы Якова Собеского на Людвике Каролине Радзивилл в 1687 г. Однако, согласно русскому тексту, «оныи младои», что «такои же бездѣльными», который «со огласки в Берлине недодержал саиги» — это «былинскіи подкоморіи корунныи», то есть, вероятно, Казимир Людвик Белинский, получивший должность подкомория надворного коронного в 1689 г., а годом ранее проводивший переговоры в Берлине о военной помощи Польше в борьбе с Османской империей.

Польский исследователь затрудняется в определении лакомого «пса», которого следует «присворить» с берлинским бездельником: «Ten, со przy kuchni bawi się zuchwały, / Jako kot morski iszcze sobie gaty, / Sforuj go z owym młodym [...]». Русский текст, напротив, прямо указывает, что «тотъ, иже при поварне мѣдлеет с похвалою, аки котъ морски ищетъ себѣ гати. Ссваруи ево со оным младымъ...» — «галецкии кухмистръ корунныи».

О другом «псе» — «Ów rosły, со się zagonił w Podole / I słucha trąby, nadszczekuje w kole»¹² — польский «ключ» говорит, что это Станислав Маковецкий, депутат от Подолья на сеймах с 1672 по 1693 г. Он был верной опорой Яна Собеского в период борьбы с турками за Каменец-Подольский. В русском же «ключе» говорится, что это «щуча посланнь з воеводства подолского», то есть вероятнее всего, что это Станислав Антоний Щука, получивший в 1688 г. должность референдаря великого коронного.

«Пес», что «z sicha ciekawy gniazda biskupiego, / wypadł z leszczyny, już ugonił swego»¹³, в польском тексте не идентифицирован, в русском же напротив характеристики «Тихо лаючи, гнѣздо бискупское» стоит помета «бискуп познанской». На момент написания памфлета эту должность занимал Станислав Витвицкий.

Польский и русский «ключи» сходятся на нурском хорунжем Годлевском, а также на бельском воеводе — Мареке Матчинском, который «калдуметь потряся, а людеи кусаючи без м(и)л(о)сті грызет» («...kałdunem potrząsa, / A ludzi w zadek bezlitośnie kąsa»); однако уже его товарищ, который «невеликъ, вылежался во боре. Уже ходить в одной своре с первым» («niewielki, wylągł się w oborze, / już chodzi w jednej z personatem sforze»), в польском списке определен как Мартин Оборский, воевода и кастелян Подлясский, а в московском — как безымянный «каштелян краковской воевода полны».

Из замечаний Ю. Новака-Длужевского очевидно, что в польском списке не была прокомментирована следующая персона: «A arfa stara gniazda wołoskiego / Ta wszędzie zwietrzy, zna zwierza każdego», тогда как в русском переводе напротив строки «А арта старая гнѣзда волоского, / та вездѣ на всякого звѣря вѣтром дметъ» указано «воеводина краковская». Ее же курляндская пара («Kurlandę do niej przysforuj, bo ona / Haw, haw, haw szczeka, podnosząc ogona») и в русском переводе осталась неопознанной: «Курляндию к ней присвори, ибо она каф / каф каф подымаючи хобота».

Выборочное цитирование Ю. Новаком-Длужевским утраченного памфлета из собрания Варшавской библиотеки, к тому же транскрибированного согласно нормам современного польского литературного языка, затрудняет полноценный лингвистический анализ русского перевода. К счастью, две другие копии памфлета, указанные в примечаниях исследователя [Nowak-Dłużewski, s. 229], сохранились в краковской Библиотеке княжат Чарторьских¹⁴ и во Вроцлавской библиотеке «Ossolineum» (им. Оссолинских)¹⁵. Обе эти версии памфлета не

¹¹ «Ловкой в Берлине не удержал косули».

¹² «Тот рослый, что загонял в Подоле, / и слушает трубы, прилаевает в кругу».

¹³ «Исподтишка ищущий место епископское, / выскочил из кустов, уже достиг своего».

¹⁴ Rkps Biblioteki Książąt Czartoryskich. № 1679 (далее — Чарторьск. 1679). S. 225.

¹⁵ Rkps Biblioteki Ossolińskich. № 210 (далее — Оссолинск. 210). S. 333–334. Сборник датирован 1645–1717 г.

содержат разъясняющего «ключа», но текстуально мало отличаются от варианта, приведенного Ю. Новаком-Длужевским, что дает нам возможность воссоздать полный текст памфлета.

Говоря о характере и качестве русского переводного текста в сравнении с польскими редакциями оригинала, отметим не только традиционный для этого времени буквализм переводческой манеры, но и множественные несоответствия русского перевода польскому оригиналу, что может объясняться как трудностью понимания аллегоричного языка памфлета, так и возможной спешкой исполнения перевода, дефектами рукописи, сложностями с чтением почерка оригинала. Обе рукописные версии польского памфлета, с которыми нам удалось поработать, отличаются, однако, достаточной четкостью почерков, хотя рукопись из вrocławской библиотеки утратила некоторые слова или части слов на границах правого поля из-за вытертости краев листа¹⁶. Поэтому при сравнении русского и польского вариантов мы будем далее ссылаться на рукопись из краковской библиотеки¹⁷.

Рифмованный 32-строчный польский памфлет из-за стремления переводчика дословно передать текст в русском переводе практически полностью теряет рифму. Единственная рифма «заганяетца» / «ухраняетца» в 19-й и 20-й строках, отражающая такую же глагольную рифму в польском оригинале, кажется случайным совпадением.

Перевод начальной фразы текста «Голосаюции особы ловчи» не находит какого-либо текстуального подтверждения в сохранившихся польских вариантах, начинающихся со слов «Szcwacz tłusty» (букв. «толстый ловчий») и продолжающихся правильно переведенным антонимическим противопоставлением «худых псов»: «Szcwacz tłusty obrał chudych psow dwie Sworze»¹⁸. Последние два слова («две своры»), как видим, также не нашли отражения в переводе. Остальной перевод первых двух строк верен польскому тексту. Объяснение этому несовпадению, возможно, крылось в сторевшем варианте из Варшавской библиотеки, начало текста которого, к сожалению, не представлено в книге Ю. Новака-Длужевского. Другой вероятной мотивировкой решения переводчика могло послужить прилагательное *толстый* в специальных значениях 'мощный, выразительный, затейливый' звук¹⁹, а также 'густой, низкий' голос: «Яко же песь ловчи ис тълста нача лаяти на стоящая»²⁰.

Польский оригинал богат образными сопоставлениями, употреблением слов в переносном значении, использованием фразеологических оборотов. Все это, очевидно, усложняло для переводчика как само понимание текста, так и поиск соответствующих лексем в русском языке для его перевода. Лингвистический анализ перевода памфлета показывает наличие в таких случаях множественных несоответствий.

Так, непонятные автору польские лексемы заменяются на подходящие по контексту русские. Например, эпитет *tylczakowaty* (от *tylczak* – 'nosacizna skóru'²¹ – «сап кожи») переводится как «сутуловаи» в связи с упоминанием о старости пса.

Нередко происходит замена польских слов созвучными русскими с искажением переводимого контекста. Например, эпитет *zuchwały* («наглый, дерзкий») переводится «с похвалою», поэтому словосочетание «bawi się zuchwały» («забавляется дерзкий») превращается в словосочетание «мѣдлеет / с похвалою». В следующей строке «Iszcze sobie gały» (букв. «ищет себе глаза», скорее всего, в значении 'хочет обратить на себя внимание') заменяется на «ищетъ себѣ гати». Особенно часто замена по принципу созвучности осуществляется при переводе польских фразеологизмов и слов, употребленных в переносном значении: «I na Łakotkach

¹⁶ Оссолинск. 210. S. 333.

¹⁷ Чарторыск. 1679. S. 225.

¹⁸ «Толстый ловчий выбрал худых псов две своры».

¹⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. 4. С. 414.

²⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 1048.

²¹ Słownik języka polskiego. Warszawa, 1967. Т. 9. S. 386.

Łowickich potyli» («и на лакомствах охотничьих растолстели»; здесь, вероятнее всего, речь идет о получении привилегий) переведено «и на гонбѣ ловчей потѣли». А в строке «Ta wszędzie zwierzy zna Zwierza Kazdego» («та везде пронюхает, знает каждого зверя») глагольная форма *zwierzy* ассоциативно заменяется словосочетанием «вѣтром / дметъ» («та вездѣ на всякого звѣря вѣтром / дметъ»), что приводит к значительному искажению оригинального смысла.

Дословный перевод польских устоявшихся выражений и фразеологических оборотов также усложняет понимание русского текста и делает необходимым обращение к польскому оригиналу. Например, строка «Wypadł z leszczyny już ugonił Swego», переведенная буквально «выбѣл из лещины догнаня своего», слабо отражает оригинальный образный смысл «выскочил из зарослей — из ниоткуда, но добился своего». Сложной для русского переводчика была, очевидно, и строка «Tłusto im parzą oni przecię chudzi» (букв. «Толсто им парят», то есть готовят жирную еду, «ведь они худы»), вторая часть которой к тому же переведена с противоположным значением и с подменой местоимения: «Толстую им жарятъ, однакож он ни худъ». Из оригинального текста видно, что автор иронизирует здесь по поводу «худости» псов и имеет в виду поддержку (кормежку) властными персонами своих прихлебателей.

В некоторых случаях неправильный перевод мотивируется одновременно и непониманием автором текста, и творческим подходом к его толкованию. К примеру, строка «Powieszac, niechaj nie kasaja ludzi» странным образом переведена «Повещать да не оставляютъ люди», хотя автор точно понимал глагольную форму *kasaja* («кусают»), что подтверждается ее правильным переводом ниже («bezlitownie kasa» — «без м(и)л(о)сти грызет»). Подобный пример имеем и в случае перевода польской рифмы «w oborze» / «sworze» («в сарае» / «в своре») как «во боре» / «в своре». Возможно, предложная конструкция «w oborze» была переведена как «во боре» для поэтической красоты и рифмы к «в своре». В то же время перевод существительного *ogon* («хвост») как «хобот», вызывающий вопросы у современного читателя, был органичным в языке XVII в., что подтверждают словарные источники: «Хобот — стар. хвост; поныне: хвост ящерицы, змеи, змея»²²; «хоботь — хвостъ (...); хоботь (...)²³.

Некоторые польские лексемы попросту транскрибируются, однако в силу разных причин. Так, польское «kaldunem potrząsa» («животом потрясает», в значении «растолстел, наживаясь нечестно») передается словосочетанием «калдуметь потряся» из-за отсутствия у переводчика версий толкования. И наоборот, польские отыменные глаголы «wysworgu», «sworgu», «przy sworgu», образованные от существительного *swora* (современное польское *sfora* — «свора»), непосредственно переданы в русском памфлете глаголами «высворуи», «сваруи», «присвори», поскольку отражают общую терминологию псовой охоты [Lorenz, s. 267].

В целом, исследуемый русский перевод памфлета хотя и свидетельствовал о политических конфликтах и нестроениях польского общества, сколько-нибудь достоверной и значимой для российской власти политической информации в себе не нес. Скорее он был интеллектуальным ребусом, который предлагалось разгадать заинтересованному читателю. При этом множественные несоответствия русского перевода польскому оригиналу, вызванные трудностью понимания его аллегоричного языка, сделали русский памфлет еще большим ребусом по сравнению с польским. К сожалению, чистовик не позволяет сделать вывод о том, кто составлял имеющийся в нашем переводе «ключ». Он мог быть в польском оригинале, его мог добавить Возницын, но возможно также, что авторство принадлежит переводчикам Посольского приказа, как это было в случае с памфлетом «Рассечение Европы», в котором политический смысл цитат Священного Писания разъяснялся в маргиналиях именно при обработке перевода [Алпатов, Майер, Шамин].

²² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 555.

²³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Стб. 1377.

ПУБЛИКАЦИЯ

В публикации русского текста выносные буквы вносятся в строку и обозначаются курсивом, сокращения раскрываются в скобках. Вышедшие из употребления буквы кириллического алфавита (за исключением «ѣ», «і») не сохраняются. Буква «ъ» воспроизводится во всех случаях. Для удобства чтения и сопоставления текст русского перевода разбит на строки в соответствии с польским текстом. Оригинальное деление на строки передается знаком «/». Комментарии на полях помещены в строке, к которой относятся, и выделены знаком «|». В польском тексте сохранены разбиение на строки, орфография и пунктуация оригинала.

Русский текст

РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 49. 1689 г. 38 л.

л. 12 В полском писмѣ статеиками написано посме/ятелного пашквиля. /
Голось ловчего. Силнои прибираеть различных / охочихъ псовъ. /
Голосающіи особы ловчіи избрал себѣ / худых псов / гласистыхъ.
Одинъ, иже ганял в Заторе, /
сугуловаи, паки старои окалечилъ, | каштелян заторскои | /
збѣсился потому, что без мѣры всѣгда был / угрызающіи. /
Тоть рослои даже в Подолии загонял | щука посланнъ з воеводства подолского | /
и слуша роги прилаиваетъ в коле. /
Тихо лаючи, гнѣздо бискупское, | бискуп познанскои | /
выбѣл из лещины догнаия своего. /
Толстую им жарятъ, однакож он ни худъ. /
Повещать да не оставляють люди. /
Высворуи тѣх, которые уже в рогатину / ударились /
и на гонбѣ ловчей потѣли, /
а толстые в поле залежалі, /
тарѣлки токмо слизая при столѣ. /
Первои калдуметь потряся, | воевод бѣлскои | /
а людеи кусаючи без м(и)л(о)сті грызет. /
Второи невеликъ, вылежался во боре. | воевода подляшскои Оборскои | /
л. 13 Уже ходитъ в одной своре с первым. /
Тоть иже временемъ за воискомъ / заганяетца, | каштелян краковскои воевода полны | /
за скотиною обоза ухраняетца, /
но что при ратуше его поимано. | хоронжеи нурскои годлевскіи | /
Какъ голоситель за трубою бѣжитъ, / аки по сворку /
на голос, которым штуки доказывает. /
А тотъ, иже при поварне мѣдлеет / с похвалою, | галецкии кухмистръ корунныи | /
аки котъ морски ищетъ себѣ гати. /
Ссваруи ево со оным младымъ, потому /
что такои же бездѣльныи, | былинскіи подкоморіи корунныи | /
со огласки в Берлине недодержал саиги. /
А арта старая гнѣзда волоского, | воеводина краковская | /
та вездѣ на всякого звѣря вѣтром / дметъ. /
Курляндию к ней присвори, ибо она
каф / каф каф подымаючи хобота. /

Польский текст

Рукопись Библиотеки княжат Чарторыских 1679. С. 225 (rkps Biblioteki Książąt Czartoryskich 1679. S. 225)

Szczwacz potężny przybiera Myslistwo różne. /

Szczwacz tłusty obrał chudych psow dwie Sworze. /

Głosistych ieden co gonił w Zatorze /

Tylczakowaty skaliczał zaś stary. /

Wściekł się: bo zawsze ziadły był bez miary /

Ów rosły aż się zagonił w Podole /

I słucha trąby nadszczekuie wkole /

Z cicha ciekawy gniazda Biskupiego /

Wypadł z lesczyny iuż ugonił Swego /

Tłusto im parzą oni przecię chudzi /

Powieszsać, niechay nie kasaia ludzi /

Wysworuy owych co się iuż w Sarzw²⁴ wbili /

I na Łakotkach Łowickich potyli /

Głosiści, ale zależeli pole /

Talerze tylko zlizuią przy Stole /

Pierwszy personat Kałdonem potrząSa /

A ludzi w zadki bezlitości kąSa /

Drugi niewielki wylągł się woborze /

Juz chodzi wiedney personatem Sworze /

Ów co za Woyskiem czasem się zagoni /

Woli za bydłem Obozu się chroni /

Lecz ten co go przy Ratuszu złapano /

Corasię²⁵ patrzy aby go widziano /

Gdy Szczwać zatrąbi bieży iak posznurze /

Na głos: Ktorem Sztuk do Kazuie w Kurze /

Tenco przy Kuchni bawi się zuchwały /

Jako Kot Morski Iszcze sobie gały /

Sworuy go zowym młodym bo tez marny /

Szczwaney w Berlinie niedotrzymał Sarny /

A arfa Stara Gniazda wołoskiego /

Ta wszędzie zwietrzy zna Zwierza Kazdego /

Kurlandę do niey przy sworuy bo ona /

Haw Haw Haw²⁶ szeka podnosząc ogona /

Литература

Алпатов С. В., Майер И., Шамин С. М. «Рассечение Европы»: русский перевод памфлета «Anatomia Europae» (1672 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4. С. 5–12; 2013. № 1. С. 5–16.

Алпатов С. В., Шамин С. М. Европейский юмор в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4. С. 21–33.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ). Часть третья. (Курляндія, Лифляндія, Эстляндія, Финляндія, Польша и Португалія). М., 1897.

²⁴ В рукописи Оссолинск. 210 scierw.

²⁵ В рукописи Оссолинск. 210 Co zawsze.

²⁶ В рукописи Оссолинск. 210 Haff, haff, haff, haff, haff, podnosząc ogona.

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире 1686 г. М., 2008.

Николаев С. И. Поэзия и дипломатия: из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-х гг. // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 143–173.

Шамин С. М. Вымышленное письмо султана Ибрагима I папе Иннокентию X: русский перевод немецкого памфлета // Вестник церковной истории. 2012. № 1–2 (25–26). С. 262–268.

Lorenz I. Russische Jagdterminologie: Analyse des Sprachgebrauchs der Jäger. München, 1978.

Myślistwo z ogary Jana hrabie Ostroroga wojewody poznańskiego. Kraków, 1618.

Nowak-Dłużewski J. Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. T. 6: Dwaj królowie rodacy / Z rękop. wyd., oprac i posł. opatrzył Stefan Nieznanowski. Warszawa, 1980.

